

АКАДЕМИЯ ТЁРНХОЛЛ · КНИГА, ВТОРАЯ

АЛИСА ВЕРНЕР

27 000 000

-38

Ревизор для КОРОНЫ

или Баланс королевской казны

Алиса Вернер

Ревизор для короны

<https://litres.ru/74694379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Соколова раскрыла хищения в магической академии — и теперь её зовёт сам король. В королевской казне не хватает одиннадцати миллионов золотых, а последнего ревизора уволили девять лет назад.

Только в столице иномирянку без подданства не пускают даже в казначейство. Хранительница Монетного двора, самый сильный маг королевства, улыбается слишком спокойно. Часть золота в хранилище оказывается иллюзией, жалование беднякам через месяц рассыпается в пыль, а главный свидетель бежит из запертой камеры.

Чтобы открыть хранилище при Совете, Вере нужно стать подданной короны. А у магистра Рейнара Дарта как раз есть договор. Двадцать третья редакция.

Вторая книга серии «Академия Тёрнхолл». Ирония, расследование, романтика и обязательный рыжий кот.

Содержание

Глава 1. Командировочное удостоверение	4
Глава 2. Входящий остаток	21
Глава 3. Инвентаризация	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алиса Вернер

Ревизор для короны

Глава 1. Командировочное удостоверение

Командировка начинается не с дороги, а с вопроса: кто оплачивает расходы и кто отвечает, если что-то пойдёт не так.

— Из рабочей тетради В. А. Соколовой

Карета королевской курьерской службы оказалась самым неудобным транспортом, на котором мне доводилось путешествовать. А я, между прочим, однажды ехала двенадцать часов в плацкарте из Новосибирска в Омск на верхней боковой полке, рядом с туалетом и мужчиной, который всю ночь ел копчёную рыбу.

— Это не карета, — сказала я на третий день пути, когда очередная кочка подбросила меня к потолку. — Это пыточная камера на колёсах.

— Это лучшая карета королевства, — невозмутимо ответил Рейнар, не поднимая головы от книги. — Рессоры на ней зачарованы лично придворным механиком.

— Тогда я хочу видеть его смету. Потому что за такие рес-

сору деньги надо возвращать.

Дебет, сидевший в плетёной корзине у меня на коленях, издал длинный утробный звук, в котором слышалось полное согласие. Он ехал в корзине третий день и считал это личным оскорблением. За это время он успел поцарапать двух стражников из сопровождения, съесть половину нашего дорожного окорока и один раз сбежать на постоялом дворе, где его нашли спящим на мешке с овсом в конюшне. Конюх уверял, что кот светился. Я не спорила. Над рыжей головой Дебета теперь горело «58». За три месяца в академии резерв у него вырос почти на дюжину искр, и я подозревала, что дальше будет только хуже.

Или лучше. Смотря для кого.

Рейнар перевернул страницу. Он читал «Основы монетного права королевства Эльвард» — толстый том в кожаном переплёте, который ректор Хальд выдала ему из личной библиотеки со словами: «Тебе пригодится. Ей — тем более, но она прочтёт и без меня». Я и правда прочла его ещё в первый вечер, пока Рейнар спал. Половину не поняла. Вторую половину запомнила наизусть.

— Глава седьмая, — сказала я, глядя в окно на проплывающие мимо зелёные холмы. — Об ответственности хранителя Монетного двора. Ты её читаешь уже второй час.

— Я её перечитываю.

— Зачем?

Он наконец поднял голову. Светлые серо-голубые глаза

посмотрели на меня поверх книги. В них было то выражение, которое я за полгода научилась узнавать безошибочно: он что-то посчитал, и результат ему не понравился.

— Потому что, — медленно сказал он, — по монетному праву за сохранность золота в королевском хранилище отвечают три человека. Лорд-казначей. Хранитель Монетного двора. И король.

— И?

— И если одиннадцать миллионов действительно пропали, то виноват кто-то из троих. Или все трое. А ты едешь проверять всех троих. Одна. Без подданства, без титула и без права голоса в Совете.

— Не одна, — поправила я. — С тобой. И с котом.

— Кот — не юридическое лицо.

— Ты тоже, если на то пошло. Ты физическое.

Он закрыл книгу и положил её на колени. Посмотрел на меня долго и очень серьёзно.

— Вера. Я не шучу.

— Я тоже не шучу, — сказала я. — Рейнар, я восемь лет проверяла холдинги, у которых собственники сидели в Государственной думе. Мне звонили люди, которые потом оказывались в новостях. Однажды мне предлагали квартиру в Москве за то, чтобы я «не заметила» одну строчку в отчётности. Я знаю, как это выглядит, когда проверяешь людей, которые сильнее тебя.

— И что ты делала?

— Проверяла, — пожала я плечами. — Аккуратно. Документально. Так, чтобы каждая цифра стояла на своём месте и каждую можно было показать в суде. Сила, Рейнар, — это хорошо. Но документ сильнее силы. Потому что сила кончается, а документ остаётся.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд. Потом протянул руку и молча убрал прядь волос, выбившуюся у меня из косы. Пальцы задержались у моего виска на мгновение дольше, чем было необходимо.

Над нами, невидимая никому, кроме меня, тихо светилась тонкая золотая нить. С цифрой «∞».

Дебет в корзине громко и неодобрительно чихнул.

Аркенхольм открылся нам на закате четвёртого дня.

Сначала — река. Широкая, медленная, золотая от закатного солнца, с десятками лодок, барж и парусников, скользящих по воде. Потом — мосты, каменные, горбатые, с фонарями на перилах, которые зажигались один за другим, словно кто-то шёл по ним с невидимым факелом. А потом — сам город. Он поднимался от реки террасами — красные черепичные крыши, белые стены, зелёные сады, узкие улочки, — всё выше и выше, к вершине холма, где над городом стоял королевский дворец.

Дворец был не таким, как я представляла. Я ждала чего-то вроде Зимнего — помпезного, бесконечного, с колоннами и позолотой. А он оказался строгим. Высокие серые стены,

четыре башни по углам, остроконечные крыши, крытые синей черепицей, и узкие стрельчатые окна. Только над центральной башней развевался огромный тёмно-синий флаг с серебряной короной.

— Красиво, — сказала я тихо.

— Красиво, — согласился Рейнар. Он смотрел не на дворец. Он смотрел вниз, на южный берег реки, где у самой воды теснились низкие деревянные дома, крытые соломой и дёгтем. Над ними поднимался дым сотен очагов. Оттуда пахло рыбой, смолой и сыростью. — Рыбные Слободы.

Я посмотрела на него. Лицо у него было спокойным. Но цифры над плечом — «4 812», ровные, полные, — едва заметно мигнули.

— Ты давно там не был?

— Восемь лет, — сказал он. — Элина приезжала ко мне в академию. Я — к ней нет.

— Почему?

Он долго молчал. Карета проехала по первому мосту, и колёса гулко застучали по камню.

— Потому что каждый раз, когда я смотрел на неё, я думал о том, что не уберёг, — сказал он наконец. — Легче было не смотреть.

Я ничего не ответила. Просто взяла его руку и сжала. Он сжал мою в ответ.

Во дворце нас встретили так, как, наверное, встречают

в любом государственном учреждении любого мира: долго, многолюдно и с огромным количеством бумаг.

Сначала был привратник, который проверил королевское письмо и отправил нас к секретарю. Потом — секретарь, который проверил письмо ещё раз, записал наши имена в большую книгу и отправил к помощнику церемониймейстера. Потом — помощник церемониймейстера, бледный юноша в бархатном камзоле, который долго смотрел на меня, потом на Рейнара, потом на корзину с Дебетом и наконец сказал:

— Простите, но я не могу внести вас в реестр гостей двора.

— Почему? — спросила я.

— Потому что в реестре есть графа «подданство», — объяснил он, нервно теребя перо. — А у вас, госпожа Соколова, его нет. Вы не подданная короны Эльварда. Вы не подданная соседних королевств, с которыми у нас договоры. Вы... — он заглянул в какую-то бумагу, — согласно реестру фамильяров Королевской академии Тёрнхолл, вы числились фамильяром магистра Дарта, вид — человек. Но связь призыва разорвана на Зимний Солнцеворот, и запись закрыта.

— То есть официально меня не существует, — сказала я.

— Официально, — юноша покраснел до ушей, — вы... бывший фамильяр. Это не статус. Это... отметка.

Рейнар рядом со мной стал очень неподвижным. Я почувствовала, как по полу от его сапог поползла едва заметная изморозь.

— Она приглашена лично его величеством, — сказал он ровно. — Письмо с королевской печатью у вас в руках.

— Да, да, я понимаю, — юноша почти плакал. — Но реестр... Без подданства нельзя выдать пропуск в казначейство. Без пропуска в казначейство нельзя начать ревизию. А без ревизии...

— Без ревизии одиннадцать миллионов так и останутся пропавшими, — закончила я. — Хорошо. Что нужно, чтобы получить подданство?

Юноша моргнул.

— Э-э... Родиться в королевстве. Или прожить в нём десять лет. Или получить подданство указом короля. Или...

— Или?

— Или вступить в брак с подданным короны, — пробормотал он и тут же покраснел ещё сильнее, хотя я думала, что сильнее уже некуда.

Рейнар рядом со мной издал странный звук. Я не стала на него смотреть. Если бы посмотрела, кто-нибудь из нас точно покраснел бы, а одного пунцового юноши в этом коридоре было вполне достаточно.

— Значит, указ короля, — сказала я. — Где можно увидеть короля?

— Вы... вы хотите увидеть короля? Прямо сейчас?

— Он меня пригласил, — напомнила я. — В письме сказано: «Срок начала — первое число месяца Цветения». Сегодня первое число. Я приехала вовремя. Если ревизия не нач-

нётся сегодня, это будет нарушение срока со стороны принимающей стороны. Не с моей.

Юноша смотрел на меня так, будто я заговорила на древнем драконьем.

А потом из-за его спины раздался голос:

— Она права, Тобиас. Срок есть срок.

Мы обернулись.

В дверях боковой галереи стоял молодой мужчина. Лет двадцати шести, не больше. Невысокий — ниже Рейнара на голову, — худощавый, с растрёпанными светло-русыми волосами и усталыми карими глазами, под которыми залегли тени. Одет он был просто: тёмно-синий камзол без вышивки, белая рубашка, расстёгнутая у горла, и потёртые сапоги. В руке он держал надкушенное яблоко.

Над его плечом горело «2 140». Небольшой резерв. Ниже, мелко, — «-0». Не минус. Ноль. Ничего не уходит, ничего не приходит.

А на пальце правой руки — тяжёлое кольцо с серебряной короной.

Помощник церемониймейстера издал звук, похожий на писк придавленной мыши, и сложился в поклоне так резко, что едва не ударился лбом о стол. Рейнар медленно опустил-ся на одно колено.

Я осталась стоять. Просто не сообразила вовремя.

— Ваше величество, — сказал Рейнар в пол.

— Магистр Дарт, — король кивнул ему. — Встаньте, по-

жалуйста. Терпеть не могу, когда на меня смотрят снизу вверх. Шея потом болит у всех. — Он перевёл взгляд на меня. Долго смотрел. Потом откусил яблоко, прожевал и спросил: — А вы, значит, та самая аудиторша.

— Аудитор, — поправила я машинально. И только потом поняла, кого поправляю.

Помощник церемониймейстера за моей спиной, кажется, перестал дышать.

Король Эдмар Второй — я вспомнила имя из книги по монетному праву, — удивлённо поднял брови. А потом рассмеялся. Коротко, хрипло, как человек, который давно не смеялся и почти разучился.

— Аудитор, — повторил он. — Хорошо. Простите, госпожа Соколова. Я не знаю, как у вас правильно. У нас таких профессий нет. У нас есть казначеи, счетоводы, сборщики податей и ревизоры. Последних я никогда в жизни не видел, хотя по закону они обязаны проверять казну раз в год.

— А почему не видели? — спросила я.

— Потому что последнего ревизора, — сказал король, — уволили девять лет назад. При моём отце. Должность сочли излишней. Казна, мол, в надёжных руках, зачем тратить жалование на лишнего чиновника. — Он помолчал. — Девять лет без единой проверки. А теперь мне докладывают, что в хранилище не хватает одиннадцати миллионов. И никто не может объяснить, куда они делись.

Девять лет. Я переглянулась с Рейнаром. Он тоже это за-

метил. Девять лет назад в академии Тёрнхолл появилась первая пометка «тестовое списание» на полях Эфирной книги. Девять лет назад Аурелиан Вейс начал воровать эфир.

Совпадение? В моей профессии совпадения встречаются очень редко. Обычно это просто связи, которые ещё не нашли.

— Ваше величество, — сказала я. — Мне нужно подданство. Без него меня не пустят в казначейство.

— Я слышал, — кивнул король. — Тобиас, выдохни, ты посинел. — Помощник церемониймейстера шумно втянул воздух. — Указ о подданстве должен утвердить Совет короны. Это закон, который я сам не могу обойти. Совет собирается раз в неделю, следующее заседание через шесть дней. Я внесу ваше имя первым пунктом.

— А до тех пор?

Король подумал. Потом снял с пальца тяжёлое кольцо с короной и протянул мне.

— До тех пор вот, — сказал он. — Королевский перстень открывает любую дверь во дворце. Включая хранилище. Если кто-то будет возражать, скажите, что это моё личное распоряжение. Письменное я пришлю завтра.

Я смотрела на кольцо в его ладони. Тяжёлое, старое, серебряное, с крупным тёмным сапфиром, в глубине которого переливалась крошечная корона.

— Ваше величество, — сказала я осторожно, — вы отдаёте мне свою печать?

— Не печать. Только перстень. Печать у меня одна, и она в канцелярии, под тремя замками и охраной. — Он пожал плечами. — Госпожа Соколова, у меня в казне дыра размером с годовой бюджет королевства. Мой собственный казначей не может её объяснить. Мой Совет делает вид, что ничего не происходит. Мои соседи на севере точат мечи, потому что знают, что мне нечем платить армии. Я готов отдать вам не только перстень, но и корону, если вы найдёте мне эти деньги.

— Корона мне не нужна, — сказала я. — Мне нужен доступ к первичной документации.

Король снова рассмеялся. Положил кольцо мне на ладонь и сжал мои пальцы вокруг него.

— Рейнар Дарт, — сказал он, не отпуская моей руки и глядя на магистра. — Ректор Хальд писала мне о вас. Что вы лучший теоретик контуров в королевстве. И что вы никогда не улыбаетесь.

— Ректор Хальд преувеличивает, ваше величество, — ровно ответил Рейнар.

— Насчёт контуров или насчёт улыбок?

— Насчёт улыбок, — сказал Рейнар.

И я, клянусь, впервые увидела, как он улыбнулся при постороннем. Совсем чуть-чуть. Уголком рта.

Король отпустил мою руку. Посмотрел на нас обоих по очереди. На корзину с Дебетом, из которой торчали рыжие уши.

— Вам приготовили покои в Западной башне, — сказал он. — Ужин принесут. Завтра в девять утра вас примет лорд-казначей Лорн. Он ждёт вас с нетерпением. — Пауза. — И, кажется, с некоторым страхом. Не знаю, хорошо это или плохо.

— Для аудитора, ваше величество, — сказала я, — это всегда информация.

Король улыбнулся и ушёл, на ходу догрызая яблоко.

Помощник церемониймейстера Тобиас медленно разогнулся. Посмотрел на королевский перстень у меня на ладони. Потом на меня.

— Госпожа Соколова, — прошептал он с благоговейным ужасом. — Вы поправили короля.

— Он неправильно сказал, — объяснила я.

Покои в Западной башне оказались огромными. Две спальни, гостиная с камином, кабинет с письменным столом и книжными полками, ванная комната с медной ванной на львиных лапах. На окнах — тяжёлые бархатные шторы. На полу — ковры, такие толстые, что нога утопала по щиколотку.

Дебет вылез из корзины, обошёл все комнаты, обнюхал каждый угол, запрыгнул на кровать в большой спальне, потоптался на подушке и улёгся посередине с видом существа, которое наконец-то получило то, чего заслуживало.

— Две спальни, — заметила я, стоя посреди гостиной.

— Две спальни, — согласился Рейнар. Он стоял у окна, глядя на город, раскинувшийся внизу в сумерках. Огни зажигались на мостах, в домах, на баржах.

— Тебе не кажется, что во дворце очень внимательно следят за приличиями?

— Мне кажется, — сказал он, не оборачиваясь, — что во дворце очень внимательно следят за всем.

Я подошла и встала рядом. Внизу, у реки, горели огни Рыбных Слобод — тусклые, жёлтые, редкие. Совсем не такие яркие, как в богатых кварталах на холме.

— Рейнар.

— М?

— Насчёт подданства. Помощник церемониймейстера сказал...

— Я слышал, что он сказал.

— Я просто хотела, чтобы ты знал: я не собираюсь...

— Вера, — перебил он мягко. Повернулся ко мне. В полутьме его глаза казались почти серебряными. — Ты получишь подданство указом короля через шесть дней. Совет утвердит. Это формальность.

— А если не утвердит?

Он помолчал.

— Тогда мы что-нибудь придумаем, — сказал он. — Мы всегда что-нибудь придумываем.

Я хотела что-то ответить, но в этот момент в дверь постучали. Слуга внёс поднос с ужином — жареная рыба, хлеб,

овоши, кувшин с вином. И маленькая серебряная вазочка, наполненная засахаренными орехами.

Я посмотрела на вазочку. Потом на Рейнара.

— Ты что, написал во дворец заранее?

— Королевскому повару, — невозмутимо сказал он. —

Из Тёрнхолла. Две недели назад. Это входит в пункт второй.

— Договор закончился на Солнцеворот, — напомнила я.

— Я знаю, — сказал он. — Это был не пункт договора.

Это была привычка.

Я ничего не сказала. Просто взяла орех и съела его. Он был сладкий, хрустящий и почему-то пах полынью.

Ночью я не могла уснуть.

Лежала в огромной кровати в малой спальне — Дебет, разумеется, остался в большой, где спал Рейнар, предатель рыжий, — и смотрела в потолок. Перстень короля лежал на прикроватном столике. Сапфир тускло светился в темноте.

Одиннадцать миллионов золотых. Девять лет без ревизии. Девять лет назад начал воровать Вейс.

Я встала, накинула халат и вышла в гостиную. Камин догорал. Я подбросила полено, села на ковёр перед огнём и раскрыла свою тетрадь — толстую, в кожаной обложке, которую мне подарил Ольбер перед отъездом. «Для ваших мыслей, госпожа аудитор, — сказал он, — у вас их слишком много для одной головы».

Я взяла перо и написала на первой чистой странице:

«Ревизия Королевской казны. День первый.

Известно: 1. Недостача — 11 000 000 золотых (со слов короля, не проверено). 2. Последняя ревизия — 9 лет назад. Должность ревизора упразднена. 3. Ответственные лица: лорд-казначей, хранитель Монетного двора, король. 4. Заместитель казначея («господин К.») был покупателем краденого эфира у Вейса. Арестован зимой.

Вопросы: 1. Кто предложил упразднить должность ревизора девять лет назад? 2. Где сейчас «господин К.»? 3. Почему у короля над плечом ноль?»

Последний вопрос я подчеркнула дважды.

У всех, кого я видела в этом мире, над плечом было что-то. Плюс или минус. Приход или расход. Резерв всегда движется — восстанавливается, тратится, утекает. Даже у Дебета каждый день прибавлялось по искре.

А у короля был ровный, мёртвый ноль. Как будто кто-то заморозил его счёт.

Или как будто кто-то очень старательно сделал так, чтобы на нём ничего не менялось.

— Не спится?

Я подняла голову. В дверях спальни стоял Рейнар — в рубашке, босиком, с растрёпанными волосами. На руках у него, свесив лапы, висел сонный Дебет.

— Он пришёл к тебе под дверь и начал орать, — пояснил Рейнар. — Видимо, решил, что ты ему нужна больше, чем подушка.

— Предатель вернулся, — сказала я.

Рейнар осторожно опустил кота на ковёр. Дебет сразу забрался ко мне на колени, потоптался и улёгся, громко замурлыкав. Рейнар сел рядом — не близко, но и не далеко. Посмотрел на тетрадь.

— Вопрос номер три, — прочитал он. — Ноль у короля?

— Ты не видишь цифр, — сказала я. — А я вижу. И у него ноль. Никакого движения. Это неправильно, Рейнар. Это как счёт, по которому никогда не бывает операций. Таких счетов не бывает в живых компаниях. Только в подставных.

Он долго смотрел в огонь.

— Защитные чары, — сказал он наконец. — Короли носят защиту от любого магического воздействия. Это традиция. Амулет на теле, вплетённый в кожу при коронации. Он не пропускает ничего — ни внутрь, ни наружу.

— Даже его собственный резерв?

— Даже его собственный. — Рейнар нахмурился. — Это значит, что король не может колдовать. Совсем. Пока носит защиту.

— А кто ставит эту защиту?

— Придворный маг. Тот, кто отвечает за коронацию.

— А кто у вас придворный маг?

Он повернулся ко мне. И в его глазах я увидела то же самое, что чувствовала сама: тонкий, холодный укол предчувствия.

— Леди Миранда Кесс, — сказал он медленно. — Храни-

тельница Королевского Монетного двора.

Второе имя из трёх.

Я записала его в тетрадь. Под вопросом номер три. И поставила рядом маленький знак вопроса.

Красным.

Глава 2. Входящий остаток

Прежде чем искать, куда ушло, узнай, сколько было. Половина недочет — это просто неправильно посчитанное начало.

— Из рабочей тетради В. А. Соколовой

Королевское казначейство занимало весь нижний этаж Восточного крыла дворца, и пахло там так же, как во всех бухгалтериях всех миров: бумажной пылью, чернилами, сургучом и тревогой.

Я вдохнула этот запах и почувствовала себя дома.

Длинный сводчатый зал с узкими окнами был уставлен столами, за которыми сидели счетоводы в серых нарукавниках. Человек сорок, не меньше. Скрипели перья, щёлкали деревянные счёты — точь-в-точь такие, как у моей бабушки в сельпо, только костяшки были из полированного камня, — шелестели страницы гроссбухов. При нашем появлении скрип перьев стих. Сорок голов поднялись. Сорок пар глаз уставились на меня, на Рейнара, на королевский перстень у меня на пальце.

И сорок цифр над сорока головами. Я уже привыкла. Почти.

— Доброе утро, — сказала я в тишину.

Никто не ответил. Только где-то в дальнем углу одинокая

косяшка счётов звонко стукнула о другую.

— Госпожа Соколова. Магистр Дарт.

Из двери в конце зала вышел высокий седой мужчина. Я узнала его сразу: в последний раз я видела его в подвале академии Тёрнхолл, в меховой шубе, рядом с королевской стражей. Лорд-казначей Алдер Лорн, отец Кассиана. Тот же высокий рост, те же светлые глаза, та же прямая осанка. Только у Кассиана в лице была мальчишеская лёгкость, а у отца — тяжёлая, усталая серьёзность человека, который давно не спал.

Над его плечом горело «3 120». Ниже — «-4», «-6», «-3». Мелкие, неровные траты. Так выглядит резерв человека, который весь день держит себя в руках. Напряжение — тоже расход.

— Лорд Лорн, — кивнула я.

— Прошу в мой кабинет, — сказал он. И, понизив голос, добавил: — Здесь слишком много ушей.

Кабинет лорда-казначея оказался маленьким и почти пустым: стол, три стула, шкаф с бумагами и окно, выходящее на внутренний двор. Никакой роскоши. На стене — единственная картина, портрет молодой женщины со светлыми волосами и такими же светлыми, как у Кассиана, глазами.

— Моя жена, — сказал Лорн, заметив мой взгляд. — Умерла, когда Кассиану было пять. Садитесь, прошу.

Мы сели. Лорн остался стоять у окна, сцепив руки за спи-

ной. Ещё один мужчина, который так прячет дрожь в пальцах. Кажется, это местная традиция.

— Прежде всего, — сказал он, не оборачиваясь, — я хочу поблагодарить вас. Обоих. За Кассиана. За Тессу. Моя племянница... — он запнулся. — Её резерв вернулся. Весь. В ту ночь. Она плакала два дня. Я не знал, что взрослый человек может столько плакать от счастья.

— Мы рады, — тихо сказал Рейнар.

— И я хочу, чтобы вы знали, — продолжил Лорн, — что я не крал этих денег. Я понимаю, что это говорит каждый, кого проверяют. Я понимаю, что вы обязаны подозревать меня первым. Но я хочу, чтобы это было сказано вслух. Я не крал. Он наконец повернулся. Посмотрел мне прямо в глаза.

Я посмотрела на его цифры. Они не дрогнули. Ни вверх, ни вниз.

— Записано, — сказала я. — Лорд Лорн, давайте начнём с начала. Как вы узнали о недостатке?

Он сел за стол, тяжело, как очень уставший человек.

— После ареста Корвина Талла, — сказал он. — Моего заместителя. Того самого «господина К.», который покупал у Вейса краденый эфир. Когда его взяли, я приказал проверить все бумаги, к которым он имел доступ. Счетоводы работали три месяца. И вот что они нашли.

Он открыл ящик стола и достал оттуда толстую папку, перевязанную тесёмкой. Развязал. Внутри — сводные ведомости, аккуратно сложенные по годам.

— Это движение казны за девять лет, — сказал он. — Поступления: подати, пошлины, налоги с гильдий, доходы королевских земель. Расходы: армия, флот, жалованье, строительство, содержание двора. Всё сведено по годам. Остаток на конец каждого года должен был переходить в хранилище.

Я взяла верхнюю ведомость. Пробежала глазами столбцы. Почерк ровный, цифры аккуратные, итоги подбиты двойной чертой.

— По этим документам, — продолжал Лорн, — к началу этого года в хранилище должно было находиться пятьдесят два миллиона золотых.

— А находится?

— Сорок один, — сказал он. — По последнему пересчёту Монетного двора.

— Кто проводил пересчёт?

— Хранительница Монетного двора, леди Кесс. Это её обязанность. Раз в месяц золото в хранилище взвешивают на королевских весах. Весы зачарованы так, чтобы их невозможно было обмануть. Отчёт подписывает хранительница и заверяю я.

— Вы присутствовали при взвешивании?

Он помолчал.

— Нет, — сказал он. — Последние годы нет. Это... стало формальностью. Леди Кесс присылала отчёт, я его заверял.

— Подписывали, не глядя, — сказала я. Не обвиняя. Констатируя.

Лорн поморщился, но кивнул.

— Да.

Я отложила ведомость и посмотрела на него.

— Лорд Лорн, я двенадцать лет проверяю чужие деньги. И знаете, какую фразу я слышала чаще всего? «Это стало формальностью». Её говорят все. Директора, главные бухгалтеры, финансисты. Сначала проверяют каждую цифру. Потом через одну. Потом раз в квартал. Потом подписывают, не глядя. А потом приходит такая, как я.

— Я понимаю, — тихо сказал он.

— Я не упрекаю, — сказала я. — Я объясняю. Формальность — это место, где начинается воровство. Поэтому я начну с неё. С пересчёта.

— Вы хотите пересчитать хранилище?

— Я хочу провести инвентаризацию, — поправила я. — Это не одно и то же. Пересчёт — это когда смотрят, сколько есть. Инвентаризация — это когда смотрят, сколько есть, сравнивают с тем, сколько должно быть, и выясняют, почему не совпадает. Каждую монету. Каждый слиток. Каждый мешок.

Лорн смотрел на меня так, будто я предложила пересчитать песчинки на речном берегу.

— Сорок один миллион монет, госпожа Соколова, — медленно сказал он. — Это займёт годы.

— Не займёт, — сказала я. — Если считать правильно.

Следующие два часа я провела над ведомостями.

Лорн выделил нам угол в своём кабинете и прислал помощника — молодого счетовода по имени Нильс Брек. Тот, веснушчатый, в очках с треснувшей дужкой, перемотанной ниткой. Ему было лет двадцать, и он смотрел на меня с таким восторгом, будто я была не аудитором, а живой богиней счёта.

Над его плечом горело «310». Почти ничего. И ниже — «—0». Ничего не уходит. Он почти не тратил силы.

— Я... я читал про вас, — сказал он, заикаясь, когда Лорн нас представил. — В «Столичном вестнике». Про академию. Про сторно красными чернилами. Это правда? Что вы написали сторно собственной кровью?

— Правда, — сказала я. — Но не советую повторять. Пальцы потом неделю болят.

Нильс зачарованно кивнул.

Мы работали втроём. Нильс подносил ведомости, Рейнар сверял их с монетным правом, а я считала. Цифры ложились ровно. Подати, пошлины, налоги. Армия, флот, двор. Год за годом, строка за строкой.

Всё сходилось. Каждая строка. Каждый итог. Пятьдесят два миллиона.

— Слишком чисто, — пробормотала я в конце второго часа.

— Что? — Рейнар поднял голову.

— Слишком чисто, — повторила я. — Посмотри. Девять

лет. Ни одного исправления. Ни одной помарки. Ни одной ошибки в сложении. Ни одного раза, когда счетовод перепутал бы цифру и потом её зачеркнул.

— Это плохо?

— Это невозможно. — Я отложила перо. — Рейнар, люди ошибаются. Всегда. Это нормально. В любой живой бухгалтерии на сто страниц приходится три-четыре помарки. Кто-то устал, кто-то отвлёкся, кто-то не выспался. Помарки — это отпечатки пальцев живых людей. А здесь их нет. Совсем.

— Может быть, у лорда Лорна очень хорошие счетоводы.

— Может быть, — сказала я. — А может быть, кто-то переписал всё набело. Девять лет — набело. Потому что в черновиках было что-то, чего нельзя было оставлять.

Нильс, стоявший у шкафа со стопкой ведомостей, вдруг уронил их. Бумаги разлетелись по полу.

— Простите! — Он кинулся их собирать, покраснев до ушей. — Простите, простите...

Я посмотрела на него. Над его плечом цифры дрогнули. «310». «308». «305». Он испугался.

— Нильс, — сказала я мягко. — Сядьте.

Он сел. Прямо на пол, среди рассыпанных бумаг. Посмотрел на меня снизу вверх. Глаза за треснувшими очками были огромные и испуганные.

— Вы что-то знаете, — сказала я. — Про черновики.

Он открыл рот. Закрыл. Посмотрел на дверь.

— Здесь безопасно, — тихо сказал Рейнар. И слегка ше-

вельнул пальцами. По дверной раме пробежала тонкая полоска инея. — Теперь — точно.

Нильс сглотнул.

— Я... я работаю в казначействе три года, — прошептал он. — Сначала переписчиком. Нас было шестеро. Каждый год в конце зимы нам приносили сводные ведомости за год — черновики, со всеми исправлениями — и велели переписать набело. Это обычная работа. Черновики потом сжигали.

— Кто велел?

— Господин Талл. Заместитель казначея. — Нильс облизнул пересохшие губы. — Но в прошлом году... в прошлом году мне досталась ведомость за осень. И там была одна строчка. Расходы на «содержание Монетного двора». Сумма была большая. Очень. А рядом карандашом кто-то приписал: «Не переносить. По распоряжению М. К.». Я не перенёс. Как велели. А потом... потом я посмотрел в чистовик. И там эта сумма была. Только распределена. Кусочками. По двадцати разным статьям. Армия, флот, ремонт мостов, жалованье стражи. По чуть-чуть. Чтобы никто не заметил.

Я медленно положила перо.

— Нильс, — сказала я. — Вы помните, какая была сумма?

— Восемьсот сорок тысяч, — сказал он не задумываясь. И покраснел. — Простите. У меня память на цифры. С детства. Мама говорит, это проклятие.

— Это не проклятие, — сказала я. — Это дар. Поверьте мне.

Рейнар смотрел на меня. Я смотрела на Рейнара. Мы оба думали об одном и том же.

«М. К.».

Леди Миранда Кесс появилась в дверях кабинета ровно в полдень. Без стука.

Я сразу поняла, почему её боятся. Не потому, что она выглядела опасной. Наоборот. Она выглядела безупречно. Высокая, стройная, лет пятидесяти пяти, с идеально прямой спиной и серебряными волосами, уложенными в низкий тяжёлый узел. Чёрное платье строгого покроя — дорогое, я определила с первого взгляда, ткань стоила как моя бывшая машина, — без единого украшения. Только у горла, на чёрной бархатной ленте, — брошь в виде старинной золотой монеты.

Лицо — красивое, правильное, с высокими скулами и светло-серыми глазами. Абсолютно спокойное. Как озеро в безветренный день.

Над её плечом горело «12 400».

Я едва не присвистнула. Больше, чем у ректора Хальд. Больше, чем у кого-либо, кого я видела в этом мире.

А ниже — «-38». Через секунду — «-38». Ещё через секунду — снова «-38».

Ровный, непрерывный, постоянный минус. Как капельница. Как кран, из которого тонкой струйкой вытекает вода. Каждую секунду. Без перерыва.

Она тратила силу. Прямо сейчас. Всё время.

— Лорд Лорн, — сказала леди Кесс. Голос у неё был низкий, мягкий, с едва заметной хрипотцой. — Простите, что без предупреждения. Мне сообщили, что прибыла ревизия. Я сочла своим долгом представиться лично.

Она перевела взгляд на меня. Серые глаза скользнули по моему лицу, по платью, по королевскому перстню на пальце. Задержались на перстне ровно на долю секунды.

— Госпожа Соколова, — сказала она. — Наслышана. Аудитор из другого мира. Та, что разоблачила бедного Аурелиана.

— Бедного? — переспросила я.

— Он был талантливым человеком, — сказала леди Кесс с лёгкой, почти печальной улыбкой. — Жаль, что выбрал неверный путь. Талант без принципов — как монета без пробы. Блестит, но ничего не стоит.

Она протянула мне руку. Тонкую, сухую, прохладную. Я пожала её. Рукопожатие было крепким и коротким.

— Леди Кесс, — сказала я. — Я хотела бы присутствовать при следующем взвешивании золота в хранилище.

— Разумеется, — кивнула она без малейшей паузы. — Следующее взвешивание — первого числа следующего месяца. Через тридцать дней. Я лично прослежу, чтобы вас пригласили.

— Я хотела бы провести его раньше, — сказала я. — Внеочередное. Завтра.

Её улыбка не изменилась. Совсем. Ни на волосок.

А вот цифры над плечом — изменились. «-38» превратилось в «-52». На одну секунду. Потом снова «-38».

— Внеочередное взвешивание, — повторила она медленно, — требует подготовки. Королевские весы нужно откалибровать. Хранилище — открыть в присутствии трёх ответственных лиц. Это займёт не меньше недели.

— Три ответственных лица, — сказала я, — это лорд-казначей, вы и король. Лорд Лорн здесь. Вы здесь. А король дал мне свой перстень, — я подняла руку, — с личным распоряжением. Письменное подтверждение пришлют сегодня. Значит, все трое в наличии.

Тишина в кабинете стала такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом.

Леди Кесс смотрела на меня. Долго. Внимательно. Так, как смотрят на редкую монету, пытаясь понять, настоящая она или фальшивая.

— Вы очень решительны, госпожа Соколова, — сказала она наконец.

— Я очень ограничена во времени, — ответила я. — Король сказал, что его соседи на севере точат мечи. Мне кажется, мечи точатся быстрее, чем калибруются весы.

Рейнар рядом со мной не шевельнулся. Но я почувствовала — через золотую нить, через что-то, чему не было названия, — как он напрягся. Как сжатая пружина.

Леди Кесс перевела на него взгляд.

— Магистр Дарт, — сказала она. — Лучший теоретик контуров королевства, как пишет Морвенна Хальд. Мы с вами не встречались, но я много слышала. О вашей работе. И о вашей сестре.

Иней на дверной раме треснул. Едва слышно.

— Мне жаль, — продолжила леди Кесс тихо. — То, что случилось с Элиной, — трагедия. Такой дар... Я надеюсь, она поправляется?

— Поправляется, — сказал Рейнар ровно. Голос был спокойным. Слишком спокойным. Ледяным. — Благодарю.

— Если вам понадобится помощь с её восстановлением, — сказала леди Кесс, — Монетный двор располагает лучшими эфирными кристаллами королевства. Я могла бы распорядиться.

— Благодарю, — повторил он. — Не понадобится.

Она кивнула, будто именно такого ответа и ожидала. Повернулась к Лорну.

— Завтра в десять утра, — сказала она. — Хранилище будет открыто. Весы будут готовы. Надеюсь, госпожа Соколова, вы найдёте всё в полном порядке.

— Я тоже надеюсь, — сказала я.

Она улыбнулась мне в последний раз — той же ровной, безупречной улыбкой — и вышла. Шагов её почти не было слышно.

Когда дверь закрылась, Нильс, всё это время сидевший на полу среди рассыпанных бумаг, издал звук, похожий на

сдутый мяч.

— Вы ей возразили, — прошептал он. — Леди Кесс. Ей никто не возражает. Никогда. Даже король.

— Значит, давно пора было, — сказала я.

Лорн тяжело опустился в кресло. Потёр лицо ладонями.

— Госпожа Соколова, — сказал он глухо. — Вы понимаете, что сейчас сделали? Миранда Кесс — самый сильный маг королевства. Она ставила защиту на короля при коронации. Она двоюродная тётка его величества. Её сын, герцог Лорис, — второй в очереди на трон после самого короля. Если вы её обвините и ошибётесь...

— Я никого не обвиняла, — сказала я. — Я назначила инвентаризацию. Это разные вещи.

— Для неё — нет.

Я посмотрела на Рейнара.

Он всё ещё стоял, глядя на закрытую дверь. Его пальцы, опущенные вдоль тела, были покрыты тонкой изморозью.

— Ты видела? — тихо спросил он, не оборачиваясь.

— Видела, — сказала я. — Тридцать восемь искр в секунду. Без перерыва. Она что-то держит, Рейнар. Какие-то чары. Постоянно.

— Хранительница Монетного двора поддерживает защитные контуры хранилища, — медленно сказал он. — Это её обязанность. Защита от воров, от огня, от магического вскрытия. Это требует постоянной подпитки.

— Тридцать восемь в секунду — это сколько в сутки?

Он посчитал. Я видела, как шевельнулись его губы.

— Три миллиона двести восемьдесят тысяч, — сказал он.

— Это больше, чем её резерв. Намного. Чтобы держать такой расход, она должна каждый день восстанавливаться полностью. И даже этого не хватит.

— Тогда откуда она берёт остальное?

Мы посмотрели друг на друга.

— Из кристаллов Монетного двора, — сказал Рейнар. — Лучших в королевстве. Как она сама сказала.

— А кристаллы откуда?

— Их заряжают...

Он не договорил. Не нужно было.

Девять лет назад Аурелиан Вейс начал красть эфир у студентов академии Тёрнхолл. Девять лет его постоянным оптовым покупателем был «господин К.». Корвин Талл. Заместитель казначея. Человек, который переписывал набело ведомости, где карандашом было приписано: «По распоряжению М. К.».

Я открыла тетрадь. Нашла вчерашнюю страницу. Под вопросом номер три, рядом с именем «Миранда Кесс», стоял маленький красный вопросительный знак.

Я не стала его зачёркивать.

Я просто поставила рядом ещё один.

— Нильс, — сказала я, не поднимая головы от тетради.

— Где сейчас Корвин Талл?

— В королевской тюрьме, — сказал Нильс. — В Северной

башне. Его допрашивают.

Лорн, сидевший за столом, вдруг поднял голову. Лицо у него было серым.

— Нет, — сказал он. — Уже нет.

Мы все посмотрели на него.

— Мне доложили сегодня утром, перед вашим приходом, — сказал он медленно. — Я не хотел говорить. Думал, что это не относится к делу. Корвин Талл бежал из тюрьмы позавчера ночью. Стража ничего не видела. Решётка цела. Замки целы. Камера пуста.

— Как будто его там никогда и не было, — тихо сказал Рейнар.

— Как будто его там никогда и не было, — повторил Лорн. Я закрыла тетрадь.

— Завтра в десять, — сказала я. — Инвентаризация. Лорд Лорн, мне понадобятся десять счетоводов, которым вы доверяете. Нильс — первый. Рейнар, мне понадобится ты. И, — я посмотрела в окно, где на подоконнике снаружи, на высоте третьего этажа, неведь как взявшийся, сидел рыжий кот и с интересом заглядывал в кабинет, — Дебет. Мне понадобится Дебет.

— Кот? — растерянно спросил Лорн.

— Кот, — подтвердила я. — У нас в мире говорят, что кошки видят то, чего не видят люди. Здесь, кажется, это правда.

Дебет за окном зевнул, показав розовую пасть и острые

белые зубы.

Над его головой горело «61».

Ещё вчера было пятьдесят восемь.

Глава 3. Инвентаризация

*Не говори, что нашла, пока не досчитала до конца.
Тот, кто прячет, внимательно слушает того, кто
ищет.*

— Из рабочей тетради В. А. Соколовой

Королевское хранилище находилось так глубоко под дворцом, что к нему вели не лестницы, а подъёмник.

Это была круглая железная клеть, подвешенная на четырёх толстых цепях, с решётчатой дверцей и рычагом. Когда стражник потянул рычаг, клеть дёрнулась и поползла вниз, в темноту, с таким скрипом и лязгом, что у меня заложило уши. Мимо проплывали каменные стены, влажные, покрытые зеленоватым налётом. Где-то капала вода. Становилось всё холоднее.

— Сколько метров? — спросила я, вцепившись в решётку.

— Метров? — переспросил Рейнар.

— Как глубоко?

— Сто сорок локтей, — сказал он. — Примерно семьдесят твоих метров. Хранилище вырубili в скале, на которой стоит дворец. Пятьсот лет назад.

Семьдесят метров. Двадцатипятиэтажный дом, только вниз. Я постаралась об этом не думать.

Дебет сидел у меня на руках, вцепившись когтями в рукав, и смотрел вниз, в темноту, широко раскрытыми глазами. Он не мяукал и не вырывался. Просто смотрел. Очень внимательно.

Нас было четырнадцать. Я, Рейнар, Дебет. Лорд Лорн. Нильс и ещё девять счетоводов, которых Лорн отобрал лично, — молчаливые, сосредоточенные люди в серых нарукавниках, с деревянными счётами под мышкой. Двое стражников. И леди Кесс.

Она стояла у противоположной стенки клетки, сложив руки перед собой. В чёрном платье, с золотой монетой на бархатной ленте у горла. Лицо — спокойное, как всегда. Она ни разу не посмотрела вниз.

Над её плечом горело: «-38». «-38». «-38».

Клеть остановилась с глухим ударом. Стражник открыл решётку.

Перед нами был коридор — короткий, широкий, с низким сводчатым потолком. В конце — дверь. Не железная, как в подвале Вейса, а каменная. Цельная плита серого гранита, высотой в два человеческих роста, без ручки, без замка, без единой щели. Только в самом центре — углубление размером с ладонь, а вокруг него — бесконечные концентрические круги рун, высеченных прямо в камне.

— Тройной замок, — тихо сказал Рейнар. Он смотрел на руны так, как смотрит пианист на сложную партитуру. —

Казначей, хранитель, король. Три ладони, одна за другой. Если хоть одна не подойдёт — плита не сдвинется. Никогда.

— Красиво, — сказала я.

— Очень, — согласился он. И, понизив голос, добавил: — Его делали не пятьсот лет назад. Внешний круг — старый. Внутренние три — новые. Лет десять, не больше. И черк...

Он не договорил. Леди Кесс уже подошла к двери.

Первым ладонь в углубление положил Лорн. Руны внешнего круга вспыхнули мягким белым светом. Потом — леди Кесс. Второй круг загорелся серебром. Потом она обернулась ко мне.

— Перстень его величества, госпожа Соколова, — сказала она.

Я сняла перстень и вложила в углубление. Сапфир коснулся камня, и третий круг вспыхнул густым тёмно-синим.

Плита дрогнула. Медленно, с низким каменным гулом, от которого задрожал пол, она отъехала в сторону.

Я много раз видела хранилища. В банках, на заводах, в ломбардах. Однажды я проверяла депозитарий, где в ячейках лежали чьи-то бриллианты, облигации и пачки долларов, перетянутые резинками. Я думала, что меня уже ничем не удивить.

Я ошибалась.

Хранилище было огромным. Не залом — системой залов.

Круглый центральный зал, высокий, как собор, с куполом из тёмного камня, а от него во все стороны, как лучи звезды, расходились семь коридоров. И в каждом — полки. От пола до потолка. Каменные, широкие, бесконечные. А на полках — мешки.

Кожаные мешки, одинаковые, аккуратные, с медными бирками и сургучными печатями. Тысячи. Десятки тысяч. Они уходили рядами вглубь коридоров, туда, где кончался свет.

И слитки. В центральном зале, на каменных постаментах, лежали штабеля золотых слитков, сложенные пирамидами, как кирпичи на стройке. Они тускло светились в свете магических шаров, висевших под куполом.

Счетоводы за моей спиной разом выдохнули. Кто-то пробормотал молитву.

— В каждом мешке тысяча монет, — сказала леди Кесс. Голос её гулко отдавался под куполом. — Тридцать тысяч мешков. Плюс слитки, каждый весом в пять тысяч монет, — их пересчитывают отдельно. Королевские весы — там.

Она указала на центр зала. Там, под самым куполом, на возвышении стояли весы. Огромные, бронзовые, в рост человека, с двумя чашами размером с банный таз. Коромысло покрыто рунами. На подставке — циферблат с золотыми стрелками.

— Весы взвешивают не сами монеты, а золото в них, — продолжала она. — Если монета фальшивая — свинец, медь,

позолота, — веса это покажут. Обмануть их невозможно. Я лично наложила на них чары.

Рейнар рядом со мной едва заметно выпрямился.

— Лично, — повторил он.

— Лично, — подтвердила леди Кесс, повернувшись к нему. — Десять лет назад. Старые веса были несовершенны. Она улыбнулась. Он не улыбнулся в ответ.

А я в этот момент смотрела на мешки.

Сначала я не поняла, что вижу.

Над каждым мешком, как и над каждым человеком, должны были висеть цифры. Или не должны? Я вдруг осознала, что никогда раньше не видела цифр над золотом. Над эфирными кристаллами — да. В подвале Вейса над каждым кристаллом горело число искр. Над людьми, над зверями, над Дебетом. Над всем, в чём была магия.

А над обычными вещами — над столами, книгами, монетами в кошельке — ничего. Они были немые. Обычное золото — металл. В нём нет эфира. Над ним нет цифр.

А над этими мешками — были.

Не над всеми. Я медленно перевела взгляд по ближайшей полке. Мешок — пусто. Мешок — пусто. Мешок — «1 000». Мешок — пусто. Мешок — «1 000». «1 000». «1 000». Пусто.

Бледные, едва заметные цифры. Тысяча. Ровно тысяча над каждым вторым или третьим мешком. По искре на монету.

У меня похолодели руки.

— Вера? — тихо спросил Рейнар. Он почувствовал. Через нить.

Я не ответила. Только очень медленно, очень спокойно, как будто разглядываю потолок, повернула голову. Посмотрела вглубь первого коридора. Там, в полутьме, над рядами мешков бледно мерцали цифры. Как звёзды на ночном небе. Не везде — пятнами, группами. Сотни. Тысячи.

Потом — на пирамиды слитков в центре зала. Над некоторыми — ничего. Над другими — ровные, аккуратные «5 000», «5 000», «5 000».

Потом — на леди Кесс.

Она смотрела на меня. Внимательно. Так же, как вчера в кабинете Лорна, — как на редкую монету.

«Не говори, что нашла, пока не досчитала до конца», — подумала я. Это было первое правило, которое мне вбила в голову моя наставница, Галина Петровна, двадцать лет проработавшая в контрольно-ревизионном управлении. «Тот, кто прячет, внимательно слушает того, кто ищет. Увидишь недостачу — не меняйся в лице. Досчитай. ЗадOCUMENTИРУЙ. И только потом говори».

Я улыбнулась леди Кесс.

— Впечатляет, — сказала я. — Давайте начнём.

Мы считали двенадцать часов.

Я разбила счетоводов на пять пар. Каждая пара брала свой коридор. Один снимал мешок с полки, проверял печать и

бирку, другой записывал номер. Потом мешок несли к весам. Стражники ставили его на чашу, стрелки дрожали и замирали. Нильс записывал вес. Мешок возвращали на место.

Так — мешок за мешком.

Тридцать тысяч мешков за двенадцать часов не взвесишь. Я и не собиралась. Я выбрала выборку: каждый пятидесятый мешок из каждого ряда, плюс все мешки с повреждёнными печатями, плюс случайные — те, на которые показывал Нильс, зажмурив глаза. Аудиторская выборка. Метод, который я сто раз применяла на складах металлопроката, где пересчитать всё физически было невозможно.

Весы не ошиблись ни разу. Каждый мешок весил ровно столько, сколько должен был весить. Золото было золотом. Монеты — монетами.

А я тем временем ходила по коридорам с тетрадью и считала другое.

Я считала цифры.

Ряд за рядом. Полка за полкой. Для каждого ряда — соотношение: в этом сорок немых и тридцать с цифрами, в этом пятьдесят пять и двадцать два. А для каждого мешка из выборки, который проходил через весы, — номер с бирки и одна буква рядом. «Н» — немой. «Ц» — с цифрой. Восемьсот двадцать номеров, восемьсот двадцать букв. В тетради это выглядело как самые обычные аудиторские пометки: столбцы, номера, буквы, крестики. Никто, кроме меня, не понял бы, что они значат.

Леди Кесс несколько раз подходила, заглядывала мне через плечо. Я каждый раз показывала ей тетрадь — открыто, спокойно.

— Контроль выборки, — объясняла я. — Чтобы проверить, что счетоводы не пропускают ряды.

Она кивала. И уходила.

Рейнар всё это время стоял у весов. Он ничего не трогал. Только смотрел на руны коромысла — долго, неподвижно, как будто читал книгу. Один раз он прикрыл глаза и просто-ял так минут десять. Цифры над его плечом слегка дрожали: он что-то тихо, осторожно чувствовал.

А Дебет ушёл.

Я заметила это на седьмом часу. Только что он сидел на краю постамента со слитками и умывался — и вот его нет. Я огляделась. Позвала. Тишина.

— Ваш кот, госпожа Соколова, — сказал один из стражников, кивнув в сторону. — Туда ушёл. В седьмой коридор.

Седьмой коридор был самым коротким и самым тёмным. Мы его ещё не считали. Я пошла туда, на ходу засветив маленький шарик света, который Рейнар научил меня зажигать от его искры через нить.

Дебет сидел в самом конце коридора. Там, где кончались полки и начиналась голая каменная стена.

Он сидел перед ней, обернув хвост вокруг лап, и смотрел. Не мигая. Уши торчали вперёд, усы растопырились. Кончик хвоста нервно подрагивал.

— Дебет, — позвала я тихо. — Ты чего?

Он не обернулся. Даже ухом не повёл. Просто смотрел на стену.

Я подошла ближе. Стена как стена. Серый гранит, ровный, гладкий, отёсанный. Ни трещины, ни щели, ни руны. Я провела по ней ладонью. Холодный камень.

А потом подняла глаза.

Над стеной, на высоте человеческого роста, бледно, почти неразличимо висела цифра.

«118 400».

Над стеной. Над голым камнем. Там, где не должно было быть ничего.

И она не стояла на месте. Она пульсировала. Тихо, ровно, как сердце. И каждый удар — я видела — в неё вливалось что-то. Тонкая, почти невидимая струйка. Откуда-то сзади. Из центрального зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.